

УДК 811.161.1

**ДЕРИВАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ ЦАРЬ И ЦЕСАРЬ
В ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

**DERIVATIVE POTENTIAL OF THE LEXEMES *TSAR* AND *TSESAR*
IN OLD RUSSIAN AND MODERN RUSSIAN**

Т. И. Галеев

T. I. Galeev

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и искусств, г. Казань*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция лексических значений слов *царь* и *цесарь* и их производных через призму исторических изменений, происходивших в разные периоды становления русской языковой картины мира. Изучение лексем социальной семантики помогает охарактеризовать аксиологический плюрализм применительно к сословным наименованиям лиц, а также отражает исторические изменения в жизни общества.

Abstract. The article discusses the evolution of the lexical meanings of the words *tsar* and *tesar* and their derivatives in the context of historical changes in different periods of formation of Russian linguistic world image. The study of lexemes of social semantics helps to characterize the axiological pluralism concerning estate denomination and also reflects historical changes in society.

Ключевые слова: *деривация, семантика, наименования лиц по социальному статусу, сословия, титулы.*

Keywords: *derivation, semantics, estate determination, estates, titles.*

Актуальность исследуемой проблемы. С расслоением общества на сословия по принципу богатства, происхождения или на основании той или иной деятельности, свойственной определенной группе лиц, в языке появились термины, которые могут быть обозначены как «наименования лиц по сословному принципу». При этом чрезвычайно важно дать характеристику развития общественных отношений с учетом лексической и словообразовательной активности, которая была свойственна указанным наименованиям. К высказыванию известного языковеда Р. А. Будагова «история слов – это не только история этимологии, но и история всего последующего их движения в языке и в обществе» можно добавить, что это касается и истории их производных [2, 64]. При определении словообразовательного потенциала той или иной группы слов учитываются разные факторы: количество дериватов в словообразовательной парадигме и словообразовательном гнезде, частеречная принадлежность производных слов, семантическая структура слова, словообразовательные значения производных и т. д. [1]. Од-

ним из показателей значимости и частотности употребления того или иного слова принято считать степень словообразовательной продуктивности. Такой подход особенно актуален при проведении филологического анализа лексем эпохи Древней Руси, которая оставила немного письменных свидетельств. Частотность использования производных от терминов, обозначающих высшие слои общества (*боярин, дворянин, император, князь, царь*), неодинакова в разные периоды истории.

Материал и методика исследований. Представлена эволюция значений производных образований, сформированных на базе лексемы *царь* как наиболее древней, частотной и продуктивной. В качестве материала исследования были использованы лексикографические данные словарей, а также художественная литература. Методика исследования включает историко-этимологический анализ производных слов *царь* и *цесарь*, которые можно считать своеобразными паронимами древнерусского языка. Указанные деривативы сравниваются и сопоставляются семантически в диахроническом аспекте.

Результаты исследований и их обсуждение. Сама лексема *царь*, по мнению большинства этимологов, восходит к имени Гая Юлия *Цезаря* [15]. Перейдя в древнерусский язык из старославянского, лексема *царь* служила для обозначения титула правителей иностранных государств. Это было достаточно удобно: правитель любого древнерусского государства – *князь*, любого иностранного – *цесарь*. Со временем это слово претерпело своеобразную редукцию в фонетическом и семантическом плане, поскольку возникла потребность в создании наименования золотоордынских правителей. И древнерусские книжники начали фиксировать в документах слово *царь*, которое представляло собой видоизмененное *цесарь*. С освобождением от татаро-монгольского ига необходимость в использовании лексемы *царь* должна была отпасть, так как объект, который она обозначала, постепенно исчезал из языковой картины мира. Но, несмотря на это, она, наоборот, начинает приобретать новые значения и встречается в текстах все чаще. Уже в XVI веке это слово в качестве титула начал использовать Иван IV Грозный. Постепенно лексема *царь* приобретает тот же лексический объем, что и *цесарь*, последняя лексема вплоть до петровских времен уходит из активного словаря языка древнерусского периода.

В XVIII и XIX веках *цесарь* и *царь* снова сосуществуют. Как и несколько веков назад, они отличались по значению и сфере употребления, однако на этот раз более широкое распространение приобретает лексема *царь*. Лексема *царь* использовалась во всех стилях, *цесарь* – либо в поэтическом, либо в официально-торжественном. Лексема *царь* имела и имеет до сих пор множество переносных значений, *цесарь* – только основное – «правитель государства».

Сходная история взаимодействия и у прилагательных с суффиксом *-ск*, образованных на базе сословных терминов: *царский* и *цесарский*. Такие прилагательные имеют общее значение «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» и «являются в русском языке типом высокопродуктивным» [8, 281]. Как правило, они мотивированы нарицательными существительными со значением лица и способны выражать ряд значений: принадлежности, свойственности, подобия. Некоторым прилагательным «удается выйти за рамки узкопредметных основ и ...приобрести большую семантическую емкость (выражая отношение не только к лицу, но и к деятельности вообще) и далее развивать те семантические оттенки, которые яв-

ляются отражением общей тенденции в развитии прилагательных как морфологической категории, а именно тенденции к развитию предельной отвлеченности, большей качественности и безотносительности признака» [3, 8]. Изначально для обозначения принадлежности тех или иных объектов или предметов правителю, называемому *царем* (или *цесарем*), использовалось относительное прилагательное *цесарский*, которое можно встретить в письменных источниках русского языка начиная с древнейших времен и вплоть до XV века: «живеть въ полатахъ цѣсарьскыныхъ», «свиты цѣрьскыа» [13, 736]. Закрепившееся в русском языке прилагательное *царский* только в XV в. вытеснило соответствующий адъектив *цесарский*, унаследовав при этом его лексическое значение (*царские регалии, чин, царское место* – «где царь ставал», или *царский чертог* – помост в день коронавания): «у царьскѣхъ дверехъ иже ѣмѣдьянѣхъ притвора въ церковь».

На основании представленного словоупотребления ясно, что одно прилагательное постепенно заменило другое, поскольку производящее *цесарь* заменилось на соответствующее и более продуктивное в языке *царь*, чему способствовала их лексическая идентичность. Возможно, фактором, который помог лексеме *царь* закрепиться в языке, стало придание титулу *царь* официального статуса в русском обществе в XVI в. До Ивана IV Грозного такой титул, судя по данным лексикографических источников, носили золотоордынские ханы [13, 721].

Закон ликвидации лексического тождества близких по семантике слов также повлиял на судьбу притяжательных прилагательных *царев* и *цесарев*, которые некоторое время существовали в языке параллельно. Прилагательное *цесарев* представлено в текстах, где фигурирует *цесарь*, то есть какой-либо иностранный правитель, например Византийский император Базилевс: «сѣтъжити дѣрзнеть цѣвъ слоухъ». Прилагательное *царев* использовалось в значении «ханский», что подтверждают вполне выразительные примеры: «то слышавъ, князь Витовтъ ѡвѣтъ далъ цареву послѣ: гдѣ цѣвъ Тактамыша не выдамъ, а со цѣмъ хочѣ сѣ видѣти». Как видно из представленных словоупотреблений, слово *цесарь* в переводах использовалось для обозначения титула любого иностранного правителя, в то время как лексема *царь*, представляющая собой своеобразное усечение слова *цесарь*, могла применяться только по отношению к татарским ханам [13, 721].

Возможно, лексические изменения, связанные с официальным утверждением в языке титула царя, коснулись и производных лексем: в Словаре Академии Российской 1789 г. можно обнаружить прилагательное *царев* со значением «принадлежащий, личный Царю; Государев», в книге Эсфири: «рекоша отроцы царевы» [9, 311]. Необходимо отметить, что в книге И. И. Срезневского «Материалы для словаря...» Книга Эсфири (один из разделов Ветхого Завета) не использовалась, в отличие от Словаря Академии Российской. Остается только предположить, что Книга Эсфири была переведена позже остальных частей Библии, существовавших уже в Древней Руси.

В Словаре церковно-славянского и русского языка у указанного предиката выделяются еще два значения: «изданный от царя, пожалованный царем» («царский закон», «царская милость») и «устроенный, учрежденный царем» («царский пир») [12, 416]. Учитывая специфику словаря, в котором представлены языковые особенности как церковно-славянского, так и русского языка XIX века, будет целесообразно не соотносить

данную семантику с какой-либо конкретной эпохой и руководствоваться данными «Материалов для словаря ...» И. И. Срезневского. Тем не менее, необходимо учесть факт существования подобных значений уже в языке XIX века, о чем будет сказано ниже.

Новое значение прилагательного *царский* – «роскошный, щедрый» [14, 600] – появляется в языке художественной литературы XIX века: «Ну, только ль в стаде что ягняты? // Вот я как захочу // Да налечу, // Так *царский* подлинно кусочек подхвачу!» (И. Крылов). От прилагательного *царский* с новой семантикой образуется и наречие *по-царски* [6, 257].

В языке XX века в связи с известными изменениями государственного устройства России слово *царский* в прямом значении употребляется все реже, утрачивает свою частотность, а переносное значение употребляется чаще основного, особенно в разговорной речи: «Это уж не вы ли сделали мне такой *царский* подарок?» (А. Аверченко). Отсюда и наречие *царски, по-царски* («принять» или «наградить кого-либо *царски, по-царски*»), которое означает «на высшем уровне», достойно *царя* [5, 571]. В XXI веке у наречия *царски* появляется два новых значения: первое – «величаво, горделиво» или «высокомерно», второе, свойственное разговорной речи, – «роскошно, богато» [6, 957].

В языке публицистики XX века прилагательное *царский* подвергается дальнейшему переосмыслению. Так, Новый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой в лексеме *царский* выделяет три новых значения: «связанный с политическим режимом монархии во главе с царем» или «самодержавный» («*царское* правительство»), «дореволюционный» («*царская* Россия») и «деспотичный» («*царский* режим») [6, 957]. Позже в Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой появляется еще одно значение: «относящийся ко времени существования такой [монархической – прим. авт.] формы государственного правления» («в *царское* время») [10, 633]. Если сопоставить данные лексикографических и энциклопедических источников XVIII, XIX и XX веков, можно проследить за эволюцией значения слова *царский*. В языке XVIII века, согласно данным Словаря Академии Российской, указанное прилагательное имело только два значения: «от царя происходящий» («*царский* указ») и «свойственный, личный, принадлежащий государю» («*царская* одежда») [9, 311]. Таким образом, всего за два века у слова *царский* появилось четыре новых значения.

Семантические трансформации, которым подвергаются сословные термины, происходили и с образованными от них глаголами. Это обусловлено экстралингвистическими факторами, а именно характерными чертами, важнейшими качествами, присущими всем социальным группам: «всякое новое слово выражает и отражает сдвиги общественного сознания в целой системе мыслей, представлений и оценок. Поэтому-то в новом слове прежние признаки и мысли, прежнее понимание и оценка предмета решительно преобразуются» [4, 254].

Слово *царь* на протяжении длительного существования в языке сформировало целый ряд производных лексем, обозначающих действие, к числу которых необходимо отнести архаичное *царовать* и церковное *царевати*. Изначально глагол *царствовать* имел только одно значение – «быть царем, государем земли, верховным главою народа, владеть и править страной, государством» («наченшю **Миханлу** царьствова-ти» [13, 721]). Указанный глагол можно обнаружить у И. И. Срезневского рядом со словами *цесаровати* и *цесарствовати*, у которых было несколько значений. Первое – прямое, выделенное и в рассмотренной выше лексеме *царствовать* – «царствовать,

быть *царем*». Например, «цѣтвѣюще Олъксе въ Цѣриградѣ в цѣтвѣ Исаковѣ». Второе – переносное, близкое к прямому – «управлять и руководить». У глагола *цесарствовать*, помимо указанных выше, есть еще два значения: «преобладать где-то, в чем-то, господствовать неограниченно, властвовать» – «да не цѣтвѣють оубо грѣхъ в мѣртвѣнѣмъ тѣлѣ вашѣмъ послушати похотни кго», «съ Христосѣмъ цѣсарствоватьи съподобитася» [13, 737]. Как видно из словарных статей «Материалов для словаря...» И. И. Срезневского, посвященных глаголам *царить*, *цесаровать*, *цесарствовать*, самым многозначным является *цесарствовать*, который обладает четырьмя значениями, подтверждаемыми в словаре множеством примеров. У глагола *царствовать* отмечено всего одно значение. Лексема *царить* в словаре древнерусского языка отсутствует вовсе.

В языке XVIII века, судя по данным Словаря Академии Российской, слова *цесаровать*, *цесарствовать* и *царить* не встречаются. Обнаружен только глагол *царствовать* в значении «иметь верховную над каким-либо царством власть; владеть, управлять царством нося на себе имя Царя» («яко Архелай *царствует* в Иудеи вместо Ирода отца своего») [9, 312]. Лексему *царить* можно найти только в словарях начала XX века. В них выделяются два значения: прямое – «быть царем, управлять страной в качестве монарха, царя» и переносное – «быть широко распространенным, господствовать» («в дореволюционной деревне *царила* нищета и неграмотность») [14, 600].

Уже тогда лексикографические источники начали указывать на семантические расхождения в глаголах *царить* и *царствовать*. В словаре Н. И. Ожегова выделяются дополнительные переносные значения слова *царить*: указанный глагол в значении «подчинять окружающих своему влиянию или выделяться среди других, подобных, превосходя всех в каком-либо отношении» («привык *царить* всюду, где бы ни появился») может быть применено только к лицам, в то время как *царить* – «иметь место, преимущественное распространение; преобладать, господствовать» – только к понятиям и явлениям, выраженным существительными абстрактной семантики («в доме *царили* уют и чистота») [11, 869]. Словари начала XXI века отражают у указанных лексем дальнейшее развитие переносных значений. Так, глагол *царствовать* вследствие семантической ассимиляции приобретает существовавшие в то время у глагола *царить* значения, а также обретает новые, ранее нигде не зафиксированные значения: «распоряжаться, властвовать по своему усмотрению» и «жить вольготно, независимо» [6, 957].

От глаголов *царствовать*, *царить* и *царовать* образованы отвлеченные существительные *царствованье* (которое в дальнейшем ассимилируется с существительным *царство* в семантическом плане), *царенье* и *царованье*, выражающие «длительное действие по глаголу» и обладающие лексическим значением – «временной промежуток, во время которого кто-либо царствует» («Крым покорен в *царствованье* Екатерины») [5, 571]. Существительное *царство* в значении «престол» употреблялось в древнерусском языке с XIV века только в отношении к ханской власти: «ходи в-ърдѣ князь Семень к поганшмоу Занивѣкѣ, иже вѣ сѣлъ на црѣствѣ, оубивъ два врата своа», а в доордынский период – в качестве местоимения «наше царство», заменяющего титул *царь* в современном понимании: «аще ли хотѣти начнѣть наше царство ѿ ва вои на противашаса намъ, да пишу[†] к великому князю вашему» [13, 721]. Словарь

церковно-славянского и русского языка выделяет в слове *царство* совершенно другие значения: «государство, страна, управляемая царем (ханом)» («Казанское царство»), «верховная власть» («владеет **Вышний царством человеческим**»), а также упомянутое выше значение «время управления какого-либо царя» («в лето второе царства **Нави́худоносорова**»), что сближает это слово с лексемой *царствование*. Приведенные примеры показывают, что «национально-культурная семантика языка – это продукт истории, включающий в себя также и прошлое культуры, и чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее строевые единицы языка. Прошлое – в той мере, в какой оно входит в настоящее, – остается актуальным для наших дней» [7, 113].

В начале XIX века, в эпоху романтизма, лексема *царство* особенно часто использовалась в поэтическом тексте и каждый автор вкладывал в нее свой смысл: «царство ноши» (Н. Карамзин), «царство льдов» (В. Кюхельбекер). Известный литератор и публицист Н. Добролюбов в 60-х годах XIX века, написав критическую статью «Темное царство» о мире невежественных купцов-самодуров, описанном в пьесе А. Островского «Гроза», пополнил фразеологический фонд русского языка. С тех пор *темным царством* называют атмосферу косности, произвола, насилия, принуждения. Подобный фразеологизм не мог появиться, если бы у слова *царство* к тому времени не существовало переносное значение «место, область, сфера, где господствуют те или иные явления, начала», сформированное поэтами эпохи романтизма.

На рубеже XIX и XX веков рассматриваемая лексема активно употребляется в политико-идеологическом дискурсе в значении «преобладающее большинство кого-либо или чего-либо, господство кого-либо или чего-либо над кем-либо или над чем-либо» [6, 957]: «царство настоящего гуманизма» (А. Дживелегов). После 1917 г. *царство* в значении «страна» исчезнет из разговорной речи ввиду разрушения большевиками старого, монархического режима. Однако лексема *царство* продолжила функционировать в идеологически окрашенной литературе при описании строящегося социалистического общества с нескрываемой положительной коннотацией, что было характерно для первых лет советской власти: «благое царство социализма» (А. Чаянов).

От существительного *царь* при помощи уменьшительных или увеличительных аффиксов можно образовывать наименования лиц, придавая при этом производному слову эмоционально-экспрессивную окраску (*царек* и *царик*): «Трон шатается. Царек Никола голову теряет» (В. Шишков). *Царьками* в древней Руси называли властителей небольших народов, ханов, султанов: «убиша (татар) до 10 тсч. и самого царика убили» [5, 571], *царек* – это тот, кто задает тон, главенствует где-либо: «он [французик из Бордо] чувствует себя здесь маленьким царьком» (А. Грибоедов). В наше время *царьками* пренебрежительно называют тех, кто ведет себя как хозяин, начальник: «царек-администратор» (Б. Хазанов), а также правителей малоразвитых, чаще восточных или африканских государств: «африканский марксистский царек» (В. Аксенов).

Резюме. Производные лексем *царь* в начальном периоде развития письменности в Древней Руси конкурировали с производными общеславянской лексемы *цесарь*. Вышеупомянутые апеллятивы подверглись стилевой и лексической дифференциации, поскольку язык существует по принципу экономии и не может допустить существование двух близких по звучанию слов с одинаковой семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюхова, С. В.* Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Артюхова. – Махачкала, 2005. – 21 с.
2. *Будагов, Р. А.* История слов в истории общества / Р. А. Будагов. – М. : Просвещение, 1971. – 261 с.
3. *Бурмистрова, А. И.* Ограничения в образовании прилагательных на -ский, мотивированных производными названиями лица, в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. И. Бурмистрова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 1992. – 18 с.
4. *Виноградов, В. В.* История слов / В. В. Виноградов ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1999. – 1138 с.
5. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1991. – 683 с.
6. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. Т. 2. П – Я / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1088 с.
7. *Петров, В. В.* Семантика научных терминов / В. В. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 125 с.
8. *Русская грамматика* : в 2 т. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
9. *Словарь Академии Российской.* – СПб. : Императорская Академия наук, 1789. – 634 с.
10. *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 4. С – Я / РАН, Институт лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.
11. *Словарь русского языка: 70000 слов* / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1990. – 921 с.
12. *Словарь церковно-славянского и русского языка* : в 4 т. Т. 4. – СПб. : Императорская Академия наук, 1847. – 491 с.
13. *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 3 / И. И. Срезневский. – СПб. : Императорская Академия наук, 1912. – 996 с.
14. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ООО «Издательство Астрель», 2000. – 752 с.
15. *Berneker, E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch / E. Berneker. – Heidelberg, 1908–1913. – 127 с.